

Ор 46, 3-6
2-45

Герой Социалистического Труда, кандидат в члены ЦК КПСС, делегат XXIII, XXV и XXVI съездов партии, комбайнер колхоза «Рассвет» Оренбургской области Василий Макарович Чердинцев рассказывает о роли механизатора в современном сельском хозяйстве, о работе с молодежью, о хлеборобском труде, о становлении подрастающего поколения.

В. М. ЧЕРДИНЦЕВ

ГОРЖУСЬ
ПРОФЕССИЕЙ
МЕХАНИЗАТОРА

ф46.3-6
4-45

В. М. ЧЕРДИНЦЕВ

ГОРЖУСЬ
ПРОФЕССИЕЙ
МЕХАНИЗАТОРА

956322
10

ЧЕЛЯБИНСК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1981

Оренбургская областная
библиотека им. Н. К. Крупской

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МАСТЕРА

По дороге от самой окраины города нас сопровождала жаркая удушливая пыль, но на съезде с большака к Сакмаре вдруг хлынул дождь, навесной, ливневый. На лужах вздувались пузыри — по народной примете это означало, что дождику с перерывами еще идти и идти. Запахло влагой, зелень посвежела, и с первым просветом в тучах с поля к селу устремились мотоциклы с механизаторами: дело шло к вечеру, и напрасно было надеяться, что отволглые хлеба скоро просохнут.

В правлении колхоза мы никого не застали, кроме уборщицы. Настроение сразу упало. В эту пору, после дождя, у какого сельчанина не найдется дел на огороде или на покосах в пойме Сакмары! Как известно, к зиме готовятся летом — значит, и Чердинцеву дома сидеть было незачем.

Однако вправление он пришел быстро, вслед за скоро возвратившейся посыльной. В руках его были какие-то железные крючья — оказывается, посыльная перехватила его по дороге из мастерской.

В наружности Чердинцева прежде всего бросился в глаза белесоватый, чуть отдающий соломистым цветом чубчик — задорный и в то же время словно подчеркивающий простоту и скромность хозяина. И светлые глаза — доброжелательные, но все же где-то в самой глубине зрачка испытывающие.

— Вы откуда? — спросил он.

Я, выполняя поручение, привез ему письмо от механизатора совхоза «Брацлавский» Миханла Каминского из целинного Адамовского района.

Чердинцев взял исписанные листы и углубился в них тут же, на ступенях крыльца. Видно было, читал с большим интересом, по несколько раз возвращаясь к прочитанному.

«Уважаемый Василий Макарович! — писал Каминский. — Я хорошо помню, как в прошлом году вы были у нас, помогали убирать урожай. Ваш комбайн не знал простот. Многие мои товарищи говорили: вот у кого учиться надо. И учились...»

У Чердинцева зарделись щеки — человеку скромному трудно от похвалы, хотя бы и заслуженной.

А глаза комбайнера бежали дальше по строчкам письма. Каминский писал: «Помните, я не раз приходил к вам и все расспрашивал о секретах мастерства. Большое спасибо, что вы, ничего не тая, делились опытом, помогали мне добиться неплохих результатов, научили ценить рабочее время. Теперь — главное. Члены нашей бригады Федор Курочкин, Анатолий Филиппов и Иван Гнездовский — помните, он в прошлом году на одном поле с вами косил! — подсказали мне хорошую мысль: «Вызывай, — говорят, — Михаил, на соревнование Чердинцева, опыт у тебя тоже немалый. А мы с тобой будем соревноваться». Правда, тягаться с вами будет нелегко, я это признаю. И все же обращаюсь к вам: руку, Василий Макарович!»

Дальше шли технические подробности. Каминский поставил на комбайн второй бак для горючего — чтобы не терять время на заправку. Предлагал работать жаткой ЖВН-10 на высоких скоростях, для чего хотел увеличить обороты косы, снять мотовило, а вместо него использовать отсекающий тросик.

«Раньше я уже пробовал так, — говорилось в письме, — на жатке ЖВН-6. Получалось. Я понимаю, конечно, что шестиметровый захват — это не десятиметровый. Но почему бы не попробовать?

Жду ответа, Василий Макарович.

— Гм, — несколько озадаченно сказал Чердинцев, дочитав. — А чего мы здесь стоим? Поехали в поле. Прикинем на месте, что и как.

В поле, проверяя работу блоков, выполнял на комбайне сложные развороты сын Чердинцева, девятиклассник Григорий, тонкий и гибкий, как тростинка. Дав ему какие-то указания, Василий Макарович повел нас к жатке, по-прежнему неся в руках все те же крючья.

— Видишь ли, — обратился он ко мне, опускаясь перед режущим аппаратом на колени. — У нас сегодня целинные усовершенствования вряд ли понадобятся: хлеба попригибало дождем и ветрами. Технически говоря, у стеблестоя средняя полегкость. А если дожди будут идти и впредь, она и еще увеличится. Вот, чтобы не потерять урожай, я и ходил нынче в кузницу...

Василий Макарович стал брать то один, то другой из принесенных с собой проволочных крючьев и прикладывать их на жатке.

— Вот гляди! Мотовило, насколько это возможно, опустим

ниже и выдвинем вперед — вот так. А эти вот стебледподъемники из упругого девятимиллиметрового железа, что мне в мастерской отковали, укрепим по полотну — около тридцати штук. На планках мотовила в свою очередь установим деревянные граблины так, чтобы они пришлись ровно посередине меж стебледподъемников. Понимаешь? Будем охватывать хлеб и сверху и снизу — так и пойдет все до колоса на транспортер — а куда им деваться?

Меня удивили и вдохновенность, с которой он демонстрировал свои приспособления, и тот диалог с помощью письма, который произошел, как говорится, на моих глазах между двумя механизаторами. Причем на таком уровне, что и заводским конструкторам впору.

— Но стебледподъемники и граблины целинникам, видать, сегодня ни к чему. Михаил вон даже без мотовила косить собирается — значит, стеблестой у них и впрямь хороший. Однако все же есть у меня такая мыслишка, которая и Каминскому будет не без пользы. А ну-ка, дай карандаш.

Чердинцев присел к плохо отструганным доскам врытого в землю стола.

«Дорогой Михаил Дмитриевич,— написал он,— Не знаю, как у вас, а у нас погода начала заметно портиться. Медлить нельзя. Вы правильно делаете, что беспокоитесь о сроках. Мы тоже кое-что предпринимаем в этом отношении. Сейчас на наших массивах иногда приходится косить и волглые хлеба. Так вот после дождя, когда поле не совсем еще просохло, мы отпускаем колесо, укрепленное с левой стороны жатки [по ходу комбайна] и поднимаем ползунки, на которых обычно скользит остов жатки. В таком положении они не задеваются почвы, земляные комья не забивают режущего аппарата и это дает возможность косить еще сырье хлеба.

Попробуйте так же сделать у себя: не терять же в самом деле по несколько часов кряду из-за каждой мимолетной тучки!»

Дальше Чердинцев соглашался соревноваться с целинниками, оговорив, правда, что до этого он уже вызван на соревнование прославленным комбайнером Оренбуржья — механизатором колхоза имени Димитрова Соль-Илецкого района Иваном Никитовичем Шелкоусовым, Героем Социалистического Труда.

Письмо Чердинцева впоследствии было напечатано в областной газете. Вслед за фамилией под письмом стояли тогда еще очень скромные титулы Василия Макаровича: «Механизатор колхоза «Рас-свет» Оренбургского района, ударник коммунистического труда».

Закончив писать, Василий Макарович поставил число, указал свой адрес и поставил подпись — почерк у него был угловатый, помянный. Сразу видно было, что за ручку и карандаш Чердинцев берется не так уж часто, хотя при нужде мог зафиксировать свою мысль на бумаге четко и ясно.

Меж тем свалившийся за реку дождь начал стороной возвращаться обратно. Синели тучи, погромыхивал гром.

— А-а,— махнул рукой Василий Макарович,— хоть круг да успею...

За первые три дня жатвы они с Григорием уже успели уложить в валки 295 гектаров. Но комбайнер был недоволен: он считал вчераший день потерянным из-за далеких переездов с поля на поле. Сегодня помешал дождь. Меж тем Василий Макарович подсчитал, что за час можно скосить семь гектаров хлебов и, если меняться с сыном у штурвала, можно проработать в сутки не менее 22 часов. А это — полтораста гектаров нивы, уложенной в валки. Чердинцеву поэтому не терпелось проверить свои расчеты на практике.

Попрощались, комбайн уверенно двинулся на загон. Мы смотрели на него издалека — как пригибают тугие литые колосья к полотну еще не переоборудованные планки мотовила, как ровно и упруго ложился на стерню валок. Василий Макарович вел машину туда, где над ближайшим пригорком небо сходилось с землей. А сбоку на них надвигались тучи, и ветер парусил рубаху на Григория, который стоял на лестнице, ведущей к рабочей площадке комбайна.

Василий Макарович то и дело взглядывал в сторону приближающегося дождя. Он словно вел с тучами не слышный нам разговор. «Ну что же, посмотрим, кто кого?» — выражала вся его подобравшаяся фигура. Рабочий азарт, прорвавшийся в желаниям поставить на своем, уверенная хватка мастера, взявшегося за стоящее дело, наконец, сложные чувства, обуревающие хлебороба, когда нива уже оправдала все возлагавшиеся на нее надежды и только от самого человека зависит ее дальнейшая судьба — вот что неизвестно как

проглядывало в чердинцевских руках, положенных на штурвал, во всей его типичнейшей «комбайнерской» внешности — квадратные от пыли очки на кепке, повернутой козырьком назад, распахнутый ворот рубашки, неширокие плечи, обтянутые рабочей курткой.

А сзади на стерню тек и тек бесконечно тугой, соломенно-белый валок...

Таким увиделся мне Чердинцев в первый раз. Потом были другие встречи. Запомнилось, например, недолгое пребывание в чердинцевском доме в семьдесят седьмом году. Тогда Василию Макаровичу была присуждена Государственная премия СССР. Ехал я в Сакмару по заданию редакции, хорошо зная, что не встречусь с комбайнером [«Не вернулся с курорта», — сообщили из райкома по телефону], а он оказался дома.

— Как же, как же! — сказали в правлении колхоза. — Вчера еще прибыл. Мы и машину за ним на станцию посыпали.

Говорили это улыбаясь, демонстрируя хорошее человеческое качество — умение радоваться радости другого человека. Однако самого Василия Макаровича нашел каким-то неприкаянным. На дворе шел нудный осенний дождь — порывы ветра осыпали заплаканные окна холодными каплями. Работал телевизор с сильно искаженным изображением на экране. Василий Макарович не замечал этого.

Он положил на стол пачку поздравительных открыток и телеграмм. От Героев Социалистического Труда В. П. Карапаева и А. М. Юдина. От земляков. От работников областного комитета по телевидению и радиовещанию. От партийных организаций. Из обкома партии. Разбирай пачку, я невольно поглядывал на Чердинцева.

А он вдруг присел рядом за стол и как-то уж очень безжалостно к себе стал рассказывать о том, как однажды, возвращаясь «самоходом» с целинной жатвы домой, он где-то на полпути между Халилово и Кувандыком скреж покрышку вместе с камерой на заднем колесе и какое-то время до ближайшей деревни ехал на стальном ободе. Он рассказывал это с такими деталями и подробностями, что вдруг и я реально до жути представил всю фантасмагорию езды на таком колесе.

«Зачем ему эти воспоминания! Для чего!» — возникали сами собой вопросы.

Уборка та была нелегкой, людей вконец измотала непогода. Нетрудно было себе представить, в каком настроении возвращался Чердинцев из затянувшейся командировки. К тому же заднее колесо, не несущее особенной нагрузки, в те времена по идее конструкторов не подлежало ремонту — в случае неисправности его просто выбрасывали, а на его место ставили новое.

Так что, своевременно обнаружив дефект, Чердинцев почти ничего не мог сделать. Тем более темной осенней ночью в степи...

И однако он жестоко корил себя за тот давний случай — так лишь подлинный мастер казнит себя за вполне извинительный для других промах. И тогда мне стало понятно, что происходит с Василем Макаровичем. Взволнованный присуждением премии, он придрчиво проверял свои прошлые дела и поступки, жег беспощадным судом все, чтоказалось его сегодняшней совести недостойным или мелочным. Он готовился к новому витку в спирали его жизни, ибо высокая награда не только не завершала его трудовой биографии, а наоборот, звала к новым свершениям. Он так и сказал:

— Считаю, что Государственную премию выдали мне авансом. Постараюсь делом оправдать ее.

И еще промелькнули годы.

В кабинете первого секретаря Сакмарского райкома партии В. М. Томина то и дело раздаются телефонные звонки. В документе, лежащем передо мной, значится: «Василий Макарович Чердинцев, родился в 1927 году, русский, принят в партию в 1956-м. В сорок четвертом окончил курсы трактористов при Сакмарской МТС, начал работать в колхозе... Избирался делегатом XXIII и XXV съездов партии, депутатом Верховного Совета СССР двух созывов. Представлял оренбургское крестьянство на Третьем Всесоюзном съезде колхозников, избран на нем членом союзного Совета колхозов. Герой Социалистического Труда. За десятую пятилетку выполнил двадцать годовых норм по намолоту зерна...»

Еще зима, но за окном легкий туман съедает раскиселившийся под колесами машин снег, и погода кажется весенней. Мы ждем Василия Макаровича, отбывающего на XXVI съезд партии. Вся оренбургская делегация уезжает поездом и на два дня позже. А Чердинцев улетает в Москву сегодня — на предыдущем партийном форуме

он был избран членом Центральной ревизионной комиссии КПСС. И это, естественно, накладывает на него особые обязанности, которые он должен исполнить до открытия съезда.

Василий Макарович появился в райкоме уже готовым в путь. Пока в кабинет входили люди, мы на несколько минут присели с ним у окна. О будущей жатве говорить было еще рановато, но я все же поинтересовался планами механизатора на первый год новой пятилетки.

— С Василем Петровичем да Андреем Гавrilovichem решили намолотить на каждый комбайн звена не менее пятнадцати тысяч центнеров зерна.

Я было растерялся, подумав, что Чердинцев изменил своей многолетней традиции выходить в поле в одной упряжке с молодыми, да вовремя вспомнил, кто такие эти Андрей Гавrilovich и Василий Петрович, которых сегодня по их возрасту еще не грех называть и уменьшительным именем. Оба они — племянники Василия Макаровича, сыновья его младших братьев, которые тоже когда-то проходили хлеборобскую стажировку под руководством своего ближайшего родича. С племянниками я тоже был знаком.

— А Григорий?

— У Григория свое звено. Гроятся обойти. Но это, как говорится, еще посмотрим.

И стало ясно: многое изменилось со временем, одно осталось неизменным — чердинцевская приверженность хлебному полю. По всему видать, она в крови династии Чердинцевых и будет продолжаться до тех пор, пока хоть один из них будет гулять по свету.

Наш разговор прервал первый секретарь.

— Товарищи,— обратился он к присутствующим,— мы провожаем сегодня на съезд одного из лучших представителей нашей организации. Хочется думать, что он и на сей раз оправдает наше доверие.

Василий Макарович держал ответное слово. И я увидел, что и нынешний Чердинцев — Герой Труда, лауреат Государственной премии, в волосы которого уже пробралась седина, снова держит ответ перед людьми. Как привык он держать его постоянно перед ними — и когда выступает в школе перед выпускниками, и когда ведет ком-

байн по хлебному полю, и когда возится с механизмами на ферме, и когда принимает участие в работе высших органов Советской власти или партийных съездов.

Коротеньку речь Василия Макаровича провожающие встретили аплодисментами. А я уверен, когда увозящая его из Сакмары машина миновала крайние домики райцентра, Чердинцев бросил последний взгляд в сторону мастерских, где среди другой техники застыли его «Колосы» — на сегодня последние в длинном ряду зерноуборочных машин, которым он отдал свою жизнь.

Впоследствии из газет стало известно: механизатор Василий Макарович Чердинцев из колхоза «Рассвет» Сакмарского района Оренбургской области, которого мы провожали на съезд, избран кандидатом в члены руководящего партийного органа — ленинского Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

И наконец, совсем близкая по времени встреча.

В прогалах меж мощных зеленых лесополос белели кромки хлебных полей. Кое-где уже лежали валки и даже копны: страда вступала в свою силу. В «Рассвете» убирали рожь — каждый гектар дал по двадцати центнеров зерна. Значит, Василия Макаровича надо было искать в поле. Его домашние сказали, что глава семьи уходит сразу после шести утра, а возвращается с выпадением ночной росы — вчера, например, юркий вездеходик доставил комбайна домой спустя два часа после полуночи.

Однако Василия Макаровича застали мы не на хлебном поле, а в лугах, возле участка поливного костра. Меж косовицей ржи и пшеницы образовалось «окно», и Чердинцев, чтобы не пропадало время, решил помочь кормзаготовителям.

Я был почти уверен, что в «Рассвете» встречу снова что-нибудь неожиданное, и не ошибся. В звене шла обкатка комбайна новой марки «Дон-1500».

История тут такова. Сразу после XXVI съезда КПСС Василия Макаровича вместе с другим прославленным хлеборобом Оренбуржья А. М. Юдиным по инициативе Ростовского обкома партии пригласили на завод «Ростсельмаш» и показали комбайн новой модификации. Механизаторы детально осмотрели машину, высказали свои замечания, а потом их спросили:

— Возьметесь обкатать машину в оренбургских условиях?

Разумеется, оренбуржцы изъявили согласие: какой мастер откажется еще раз проверить свои силы!

И вот первый «Дон» пришел в колхоз. Три других вот-вот должны были поступить для Чердинцева в целинный совхоз «Кульминский» Кваркенского района, где звено планирует провести вторую половину жатвы. Я попросил звеньевого высказать свое мнение о «Доне». Он засмеялся.

— Ну, нет! Я его скажу после, когда как следует поработаю на комбайне.

Что ж, Чердинцев есть Чердинцев. Он никогда не бросает слов на ветер. И это еще одно положительное качество его натуры снискало ему заслуженное уважение. Люди не любят разрыва между словом и делом, а у Чердинцева такого разрыва не наблюдается.

И. Гавриленко

ЖИВЕШЬ НА СЕЛЕ — ВЛАДЕЙ ТЕХНИКОЙ

Бывает в году удивительная пора: один за другим уйдут с поля комбайны, отпывают большаком в направлении города и элеватора последние крытые брезентом грузовики, и тогда только тракторы будут тревожить ночами тишину осенних полей, отдыхающих после много-трудного лета. Люблю я эту пору — время доверху загруженных элеваторов и полных закромов в семенных складах, время подведения итогов и планов на будущее. Эта маленькая книжечка — результат моих послеуборочных размышлений, когда лучше видится, что такое хлеб, земля и люди, работающие на ней.

Как-то на днях просматривал я книгу документов по истории нашей области и наткнулся в ней на телеграмму Оренбургского губпродкома Народному Комиссару продовольствия А. Д. Цюрупе летом девятнадцатого года. Центр торопил оренбуржцев с отправкой зерна рабочим России — в Москве и Петрограде голод. Местные оренбургские власти делают все, что в их силах. За последнюю неделю уже отправлено три маршрутных поезда с зерном, готовится четвертый. Однако близость фронта мешает использовать гужевой транспорт деревень, что резко отрицательно сказывается на подвозке хлеба к ссыпным пунктам. Между тем запасы имеются. В силу чего, — говорится в телеграмме, — является настоятельная просьба срочно выслать десять или пятнадцать автомобилей-грузовиков с топливом и прислугой. Неполучение таковых не даст возможности губпродкому выполнить свой долг перед питерским и московским пролетариатом...

Вдумайтесь только. Для того, чтобы вывезти весь заготовленный хлеб, нужно всего-то десять или пятнадцать грузовиков. Как не похоже это на наше время. Я много езжу по хлебному Оренбуржью и знаю, что оно собой

представляет. На сотни и сотни километров во все стороны раскинулась его звенящая колесом, исходящая жаром нива. И час, и другой, и третий едешь по степи — и везде одно и то же: бунты золотой пшеницы на токах, вереницы машин на подъездных путях к элеваторам, а крупное, как дробь, зерно все бьет и бьет в стенки бункеров многочисленных «Колосов», «Нив», «Сибиряков», и все взмахивают и взмахивают лопастями тысячи жаток, укладывающих спелый колос в валки.

Нет, чтобы по-настоящему увидеть, что такое хлеб, надо побывать в наших краях во время уборки. Для тех же, кому совершить такое путешествие в оренбургские степи не представляется возможным, приведу цифры.

За время десятой пятилетки среднегодовое производство сельскохозяйственной продукции здесь увеличилось более чем на 20 процентов. Возросли заготовки зерна. За пять лет среднегодовая продажа его государству достигла 3,9 миллиона тонн против 2,4 миллиона в предыдущей пятилетке. Всего же за 1976—1980 годы оренбуржцы засыпали в фонд страны около 1,2 миллиарда пудов зерна. Теперь можно вспомнить о хлебе, для перевозки которого работники Оренбургского губпродкома требовали от центральной власти 10—15 грузовиков. Тогда им удалось заготовить... 150 тысяч пудов. Сравните-ка эти две цифры: 1,2 миллиарда и 150 тысяч пудов.

В этих цифрах — плоды мудрой аграрной политики нашей партии, все более крепнущей материально-технической базы сельского хозяйства. Как член обкома партии знаю, что за время, минувшее между XXV и XXVI съездами, в нашей области на развитие сельскохозяйственного производства было затрачено около 1,4 миллиарда рублей капиталовложений, резко возросли фондоооруженность и энергоооруженность труда. В оренбургских колхозах и совхозах успешно продолжа-

ется социалистическое соревнование за наведение образцового порядка на земле, начатое по инициативе земледельцев совхоза имени Магнитостроя Ташлинского района. Совершенствуется структура посевых площадей, на поля приходят новые высокоурожайные сорта сельскохозяйственных культур.

Улучшению состояния зернового производства способствуют меры по внедрению почвозащитной обработки земли. Возросли, например, объемы противовоздушных работ. Безотвальная обработка почвы с сохранением стерни увеличилась с 1254 тысяч гектаров в начале десятой пятилетки до двух миллионов в первый год одиннадцатой.

Возросло количество внесения удобрений, широко применяются прогрессивные приемы их использования. Если, скажем, двадцать лет тому назад оренбургские хозяйства вносили на всю пашню 1,75 миллиона тонн органики и 39,1 тысячи тонн туков, то сейчас в год расходуется соответственно около 10 миллионов и 500 тысяч тонн.

Большое значение придается накоплению и сохранению влаги в почве, ибо во многих районах области в год выпадает не более 250—300 миллиметров осадков. Работы по снегозадержанию и задержанию талых вод проводятся, как правило, на 5—6 миллионах гектаров.

Большой объем работ! Их невозможно было бы выполнить без повышения производительности труда и максимального использования средств механизации на всех этапах сельскохозяйственных процессов. Другими словами, без машин. За последние две пятилетки в оренбургских хозяйствах полностью обновился машинно-тракторный парк. В настоящее время здешние колхозы и совхозы имеют на вооружении более 35 тысяч тракторов, свыше 21 тысячи зерноуборочных комбайнов и почти 13 тысяч грузовых автомобилей. Техническая оснащенность сельского хозяйства продолжает расти. Еже-

годно к началу уборки в оренбургские хозяйства приходит не менее 2500 комбайнов и столько же жаток. Сейчас в среднем на одно хозяйство у нас приходится около 70 тракторов, более 60 сеялок, свыше 40 зерноуборочных комбайнов, много другой сельскохозяйственной техники. Число одних только мощных энергонасыщенных тракторов типа К-700 и К-701 достигло шести тысяч.

Не является исключением и наш «Рассвет». На его сравнительно невеликие площади в четыре тысячи гектаров приходится около 40 тракторов, семнадцать автомобилей, комбайны марок «Колос» и «Сибиряк», четыре тяжелых «Кировца».

Другими словами, в колхозы и совхозы, по существу, пришла новая эра с ее комплексом машин, позволяющим организовать четкий конвейер в производстве зерна. Эта эра принесла и новые требования к сельскому человеку, в особенности к молодому. Сейчас каждый (каждый! — я в этом глубоко уверен) деревенский житель просто должен уметь обращаться с техникой. В самом деле, по сравнению с 1965 годом энерговооруженность одного работника у нас в Оренбуржье выросла в 2,2 раза. На каждого сельского жителя сейчас приходится по нескольку десятков лошадиных сил. А это ко многому обязывает.

Вспомним, в старое время в крестьянской семье все члены фамилии, без исключения, и стар, и млад, умели управляться с лошадью: напоить и обходить ее, задать корму, впрячь в телегу или вспахать с ее помощью полоску. Мне вспоминается один мой знакомый, годами не так уж и много старше меня. Он рассказывал, поехали они с отцом в поле. Было жарко, коней донимали оводы — вот они и выбивались то и дело из борозды. И вдруг, говорит мой знакомый, отец размахнулся и ударил сына кнутом.

— Какой же ты мужик, — в сердцах сказал отец. —

До двадцати лет дожил, а с лошадьми управляться не научился!

Конечно, кнут как средство воспитания для нас не подходит. А вот к упреку старого крестьянина следует прислушаться. В самом деле, уж коли родился и растешь в крестьянской семье, так не будь верхоглядом, постарайся перенять отцовское дело. В наше время это предполагает обязательное знакомство с техникой.

Интересно отметить такой факт: при общем уменьшении сельского населения в области в последнее время число механизаторов, имеющих дело с сельскохозяйственной техникой, растет. Это говорит о престижности механизаторской профессии, о росте ее популярности в деревне. Вот почему я горжусь своим выбором, который сделал почти сорок лет тому назад, и с тех пор ни разу не изменил избранному пути. Перефразируя слова Маяковского, можно сказать, я — механизатор и этим интересен. О механизаторском деле я и буду говорить.

Зайдите в любой магазин, на вывеске которого стоят всего четыре буквы: хлеб. Еще у входа вас опахнет ни с чем не сравнимым запахом свежевыпеченного хлеба. Потом вы увидите на полках знаменитые оренбургские караваи, ломоть которых можно сжать в горсти, а отпусти — и он снова примет прежнюю форму, и много другого: круглые хлебы поменьше, кирпичики, батоны, булочки, бублики. Какое богатство! А ведь у его истоков стоим мы — сельские механизаторы, родословная которых начинается, по верному замечанию народного академика Южного Урала Терентия Семеновича Мальцева, от селятеля. Мы никогда не должны забывать этого. Ибо профессия хлебороба в нашем мире не сравнима ни с какой другой. Верно сказано: не всяк землю пашет, но всяк к столу садится.

Однако селятель селятелю рознь. Как-то присутствовал я на заседании рабочего комитета совхоза «Кульмин-

ский» Кваркенского района, в котором я почти каждый год провожу вторую половину жатвы, и стал там свидетелем любопытного разговора. Присутствовавшие на заседании представители полеводства вспомнили и то, что целина — основной производитель ценнейшей продовольственной культуры, пшеницы сильных сортов, в зерне которой содержится много белка и мука из которой идет в качестве улучшателя для других сортов. Потом разговор зашел о почвозащитной системе обработки земли. Приводились точные выкладки по внедрению противоэрозионной техники — глубокорыхлителей-плоскорезов, специальных культиваторов, игольчатых борон, стерневых сеялок. Отмечалось, что на полях, обработанных по системе академика А. И. Бараева, лучше сохраняется влага, хорошо впитывается талая вода и урожай от этого возросли на 3—4 центнера на гектаре. Говорили участники заседания также о значении чистых паров, о характере удобрений, о том, что фосфорные ускоряют созревание хлебов, а это позволяет провести уборку в более благоприятные сроки.

Слушал я все это, и для меня яснее вырисовывался облик современного крестьянина, работающего не по старинке, не на глазок, а с помощью науки и используя целый комплекс современнейшей техники.

Техника... Она делает человека сильнее, могущественнее. Мало кому неизвестно, в каких суровых условиях приходится трудиться оренбургским земледельцам. Говорят, ни одна крупная европейская страна не ведет земледелие в таких условиях. И все-таки мы выходим победителями из борьбы со стихиями, организуем труд таким образом, чтобы можно было взять от земли все возможное и в засушливую пору.

Очень помогает, например, использование ипатовского метода организации работ, причем не только на уборке, но и на весеннем севе, и на заготовке кормов. Обычно во время жатвы зерновых культур в области

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул.
Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66